

Николо Макиавелли

Государь

О том, как надлежит
поступать с людьми

Мысли великих

Никколо Макиавелли

**Государь. О том, как
надлежит поступать с людьми**

«Алисторус»

УДК 167/168
ББК 87.25

Макиавелли Н.

Государь. О том, как надлежит поступать с людьми /
Н. Макиавелли — «Алисторус», — (Мысли великих)

ISBN 978-5-907211-97-1

Итальянский философ и предприниматель Николо Макиавелли сделал политику и дипломатию наукой, а его имя по сей день является синонимом психологической манипуляции. Он пережил пытки, предательство своего народа и войну, побывал в роли героя и изгоя. Он всегда умел возрождаться из пепла, делать деньги из воздуха и заставлять людей делать то, что ему нужно. Его именем назван принцип правления, основанный на грубой силе и отсутствии моральных норм, – «макиавеллизм». Последний гений эпохи Возрождения создал бессмертное практическое пособие для политиков, предпринимателей и всех, кто хочет всегда побеждать. Это первое и единственное пособие, лишенное всякого морализаторства и гуманизма, единственное пособие для тех, кто был рожден побеждать. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 167/168
ББК 87.25

ISBN 978-5-907211-97-1

© Макиавелли Н.
© Алисторус

Содержание

От издателя	5
Государь1	6
Глава I	7
Глава II	8
Глава III	9
Глава IV	15
Глава V	17
Глава VI	18
Глава VII	21
Глава VIII	26
Глава IX	29
Глава X	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Николо Макиавелли

Государь. О том, как надлежит поступать с людьми

*Войны нельзя избежать, ее можно лишь отсрочить – к выгоде
вашего противника.*
(Н. Макиавелли)

Цель оправдывает средства.
(Н. Макиавелли)

От издателя

Макиавеллизм – термин в политологии, обозначающий государственную политику, основанную на культе грубой силы, пренебрежении нормами морали и тому подобном. Термин произведен от имени итальянского мыслителя Никколо Макиавелли и связывается с идеями, изложенными им в его книге «Государь». В бытовом употреблении соответствует понятиям коварство и вероломство, приобретая (если характеризуемый субъект и цели воздействия вне сферы государственной политики) переносное значение. В дальнейшем этот стереотип поведения был исследован в психологии как феномен, и термин был использован как совокупное обозначение соответствующих личностных характеристик, уже вне связи с политикой.

Государь¹

Никколо Макиавелли – Его Светлости Лоренцо Медичи²

Лица, желающие заслужить благоволение к себе государей, обыкновенно выражают это поднесением им в дар таких предметов, обладанием которых они особенно дорожат или по заключающейся в них ценности, или по тому удовольствию, которое они приносят. Поэтому-то, государям весьма часто представляют дорогих коней, многоценное и редкое оружие, парчовые ткани, драгоценные камни и украшения, соответственные величию верховной власти.

Желая таким образом представить Вашему Великолепию какое-либо доказательство моей глубокой к Вам преданности, я не нашел ничего, между самыми ценными предметами, какими я обладаю, чем бы я так дорожил и высоко ценил, как мое познание действий людей высокопоставленных. Знание это я добыл долгим изучением современных событий и глубоким исследованием древней истории. В небольшой книге, которую я имею честь представить Вашему Великолепию, я поместил все выводы и результаты, добытые мною продолжительным размышлением и настойчивой наблюдательностью. Хотя я и сознаю, что это мое произведение далеко не достойно чести представления его Вам, но я уверен, что Вы по своему великодушию примете его благосклонно, так как Вы примете во внимание, что самый ценный дар, каким я мог располагать, состоял в возможности доставить Вам средство в кратчайшее время узнать все то, на изучение чего я употребил многие годы и мог понять и усвоить себе только после продолжительных трудностей и опасностей.

В книге моей Вы не найдете ни цветистых рассуждений, ни пышных и красноречивых фраз, ни одного из тех внешних украшений, к каким прибегают авторы для придания наружного блеска своим сочинениям. Я хотел, чтобы моя книга или вовсе не имела никакого значения, или, если она его удостоится, то значение это происходило бы от внутренних ее достоинств: истины, положенной в ее основание и разнообразия и важности предметов, составляющих ее содержание.

Я не хотел бы однако же, чтобы меня сочли за человека дерзкого за то, что я, принадлежа к низшему сословию государства и не обладая высоким саном, осмелился рассуждать и исследовать предметы, подлежащие ведению правительств и государей.

Подобно тому как пейзажисты, для того чтобы снять вид гор и возвышенных мест, помещаются в долинах, а для того, чтобы схватить общий характер равнин, поднимаются на высоты, – для того, чтобы хорошо понять и оценить особенности народа, надобно быть государем, а чтобы знать государей – надобно принадлежать к народу.

Примите же, Ваше Великолеpie, скромное приношение мое так же радушно, как искренно я Вам его представляю. Если вам будет угодно прочитать мою книгу со вниманием, то Вы заметите, что меня, при труде над ней, руководило горячее желание, чтобы Вам удалось достигнуть той степени славы и величия, на какую вы имеете право по своей высокой доблести и можете рассчитывать при Вашем счастье. И если с высоты своего величия Ваше Великолеpie удостоит взглянуть на то, что находится внизу, то Вы увидите насколько незаслуженно приходится мне в жизни страдать и быть жертвой суровой и несправедливой судьбы.

Глава I

Сколько видов бывает верховная власть, и каким образом она водворяется

Все гражданские общества в государственном смысле представляются или монархиями или республиками. Монархии бывают или наследственными, правители которых составляют продолжительное время одну династию, или вновь возникающими. Монархии, вновь возникающие, образуются или самостоятельно, как например Миланское герцогство при Франческе Сфорца³, или входят, как составная часть в наследственную монархию, уже существующую, когда правители ее увеличивают свои владения приобретением новых стран, как было например приобретено испанским королем⁴ Неаполитанское королевство. Страны, вновь приобретаемые, разделяются на такие, которые до присоединения управлялись своими государями, и такие, обитатели которых до этого присоединения были свободны. Приобретаются таковые страны или силой оружия, все равно, своими или наемными войсками располагает для этого завоеватель, или мирным путем при стечении особенно счастливых обстоятельств для того или другого правителя, или тогда, когда вследствие личных его достоинств, соседние народы добровольно провозглашают его владычество.

Глава II

О принципах наследования власти

Я не стану здесь касаться республик, так как говорил о них уже подробно в другом сочинении⁵. Здесь я займусь только монархиями и, придерживаясь установленного мной разделения, выясню, каким образом могут управляться всякого рода монархии. Так я замечу, что в монархиях наследственных, подданные которых уже привыкли к династии своих правителей, монарху гораздо легче поддерживать власть, нежели в монархиях, вновь возникающих: ему для этого достаточно только не заходить за пределы власти своих предшественников и сообразоваться с обстоятельствами. При таком образе действий, правитель с самыми обыденными способностями сумеет всегда удержаться на троне; или для того, чтобы он его лишился, необходима какая-либо неодолимая сила, предвидеть которую было положительно невозможно; но даже и в этом исключительном случае, всякая малейшая ошибка узурпатора неизбежно дает ему возможность без труда возвратить свое потерянное владычество. Яркий пример этого в Италии представляет собой герцог Феррарский: если он устоял в 1464 г. против нападения венецианцев, а в 1510 – против папы Юлия, то единственно благодаря тому, что страна издавна привыкла к его династии. И действительно, наследственные монархии бывают уже потому обыкновенно любимы народом, что им гораздо реже, нежели новым правителям, предстоит случай или необходимость оскорблять своих подданных; для такой любви достаточно, чтобы правитель не проявлял каких-нибудь чрезвычайных пороков, которые заставляли бы возненавидеть его, а давность и продолжительность династии заставляют забывать, как насильственные перевороты, происходившие в стране, так и причины, вызывавшие их, – чем устраняются те камни преткновения для государственной власти, которые оставляются предшествовавшими революциями с целью снова воспользоваться ими при случае.

Глава III

Монархии смешанные

Управлять вновь возникающими монархиями уже несравненно труднее.

Так, если вновь возникшая монархия не представляется самостоятельной, а входит только как новоприобретенная часть в существующую уже монархию, представляя вместе с нею как бы одно смешанное целое, то неизбежные неурядицы при переустройстве вновь слагающихся государственных форм дают первый повод к брожению умов и желанию переворотов; люди же вообще, из желания улучшения своей судьбы, склонны к переменам своих правителей. Эта причина весьма часто заставляет их браться за оружие против существующего правительства, и только тогда видеть свою ошибку, когда они путем опыта узнают, что, вместо улучшения, в результате достигают только ухудшения своей участи. Ухудшение же это естественно возникает из той неизбежной необходимости, в которую обыкновенно бывает поставлен новый правитель самым своим положением. Для водворения своей власти он обыкновенно бывает вынужден угнетать вновь приобретаемую страну тяжкими повинностями для содержания армии, и бесчисленным множеством всяких других несправедливых налогов и поборов. Все лица, интересы которых он почему-либо нарушил, овладевая государством, становятся его врагами, врагами же его делаются и те, которые дружественно помогали его успеху, или потому, что он не может их отблагодарить сообразно их заслугам, или его обещанию, или потому, что, будучи им обязан, он даже в случае, необходимости лишен возможности действовать против них крутыми мерами. Услуги обыкновенно обязывают на, так как обыкновенно, как бы ни был могуществен завоеватель с своими армиями, для покорения страны ему всегда бывает необходимо входить предварительно в соглашения с ее жителями, чтобы в их благорасположении получить поддержку своему оружию. Вот отчего французский король Людовик XII так же быстро потерял Милан, как и приобрел его; для того, чтобы его оттуда выгнать, достаточно было одних войск Людовика⁶ (Сфорцы), так как те же жители, которые помогли ему овладеть городом, видя себя обманутыми в своих надеждах и не получая тех выгод, на которые рассчитывали, не хотели переносить тяжести новой власти. Но зато, если такое восстание удастся вторично усмирить, то власть приобретет значительную прочность, так как победитель, пользуясь прекращенным восстанием, делает его для себя благовидным предлогом, чтобы уже не стесняться в средствах для упрочения за собой завоевания: наказывать непокорных, преследовать тех, кто ему кажется подозрителен, вообще устранять все то, что ему препятствует или его ослабляет. Поэтому-то, для того, чтобы Франция потеряла Милан в первый раз, было достаточно небольшой агитации, произведенной Людовиком между окрестным населением, но чтобы потерять его вторично — нужно было, чтобы все государства против нее восстали и армии ее были или уничтожены, или изгнаны из Италии, что могло произойти от причин, мной уже указанных. Известно однако, что Франция в оба раза лишилась этой провинции. Общие причины первой неудачи Людовика XII уже достаточно ясны после моего объяснения, но вторую его неудачу стоит рассмотреть подробнее, чтобы уяснить, не было ли в руках его возможности, которой другие правители воспользовались бы на его месте, чтобы удержать за собой приобретенную область. Надобно между прочим заметить, что страны, вновь присоединяемые, к установившейся монархии, для составления с ней одного целого, могут находиться в одинаковых с ней географических условиях или в различных и жители их говорить тем же языком, или иным. Когда приобретаемая страна составляет как бы продолжение приобретающей, а жители той и другой говорят одинаковым языком, то удержать приобретение за собой очень легко, особливо если обитатели ее не привыкли к свободным учреждениям; для управления ей в полной безопасности, достаточно только одного условия, — чтобы династия прежних

ее правителей иссякла. Во всем остальном, при одинаковости установившихся обычаев, правителю стоит только не нарушать прежнего образа жизни обитателей приобретаемой страны, и он может быть уверен, что новые его подданные будут жить спокойно. Таким образом Бургундия, Бретань, Гаскония и Нормандия столько лет сряду находятся под французским владычеством; хотя между наречиями этих стран и есть некоторые резкие различия, но так как нравы и обычаи их весьма сходны, то им и легко ладить между собой. В подобных случаях завоевателю должно помнить главнейшие две вещи: окончательно ли иссякла династия правителя присоединяемой страны, – и что для него ничего не может быть пагубнее какого бы то ни было изменения законов или системы налогов в новой стране. Если оба эти условия соблюдены, то присоединенная страна очень скоро совершенно сливается с господствующей и составляет с ней как бы одно органическое целое.

Но если присоединяемая страна бывает чуждой присоединяющей по языку, обычаям и нравам, то для удержания ее в своей власти требуется очень много счастья и умения, и одной из самых действительных и радикальных для этого мер может служить переселение правителя во вновь приобретенную страну. Этим переселением значительно закрепляются прочность и безопасность обладания ей. Так поступили турецкие султаны с Грецией⁷ и всякие другие их распоряжения для удержания Греции за собой едва ли привели бы их к каким-нибудь успешным результатам, если бы они сами туда не переселились. Правитель, переселяющийся в завоеванную страну, может следить за начинающимися беспорядками и заблаговременно подавлять их; живя же вдали, он узнает об них только тогда, когда они становятся настолько значительными, что по большей части совладать с ними становится очень трудно, если не невозможно.

Кроме того, присутствие государя удерживает назначаемых им сановников от разорения страны; возможность личного обращения к правителю доставляет нравственное удовлетворение подданным и, если они расположены к верности, то получают более возможности любить своего монарха; если же они ненадежны, то его близость дает им более оснований бояться его.

Кроме того, присутствие государя в стране служит отчасти охраной от чужеземных вторжений, так что, поселяясь в ней, правитель как бы обеспечивает за собой большую вероятность прочного обладания ей.

Другое отличное средство для удержания завоеванной области состоит в образовании поблизости ее одной или двух колоний, в местностях, господствующих над страной: без этого приходилось бы содержать весьма значительное количество войска, между тем как основание колоний обыкновенно обходится правителям очень дешево. Основать и поддерживать их бывает возможно или без всяких издержек, или с весьма незначительными; он при этом нарушает интересы только тех, у кого отнимает поля и жилища для водворения в них новых обитателей, но таких лиц обыкновенно бывает немного, и по своей бедности и разрозненности они по большей части бывают лишены возможности вредить ему. Все остальные подданные, не будучи с одной стороны ничем обижены, не имеют поводов к недовольству, а с другой будут удерживаемы от волнений страхом, чтоб и их, в случае непокорства, не постигла участь подобная участи лиц, разоренных на их глазах. Одним словом, эти очень дешево стоящие колонии, служащие образцом верности, в то же время нисколько не отяготительны для страны, а небольшое число обиженных этою мерою, по своей бедности и разрозненности, становятся для правителя безвредны.

Вообще должно заметить, что при управлении людьми их необходимо или ласкать, или угнетать; мстят люди обыкновенно только за легкие обиды и оскорбления, сильный же гнет лишает их возможности мести: поэтому, если уже приходится подданных угнетать, то делать это следует таким образом, чтобы отнимать от них всякую возможность отмщения.

Если же, вместо основания этих колоний или передовых постов, правитель решает поддерживать свою власть помощью войск, то расходы, сопряженные с содержанием этих охранительных сил, возрастают обыкновенно чрезмерно и совершенно поглощают все государ-

ственные доходы страны. Тогда самое приобретение страны служит в ущерб завоевывающему государству, который становится тем ощутительнее, чем ее жители считают себя более обиженными, ибо все они, как и самое государство, страдают от постоев и передвижения войск. А так как от постоянной повинности обыкновенно не освобождается никто, то все граждане становятся врагами правителя, тем более ожесточенными, что этой повинностью нарушаются их частные интересы, и, оставаясь у себя дома, они не лишаются возможности вредить правителю. Вообще эти охранительные армии во всех отношениях настолько же бесполезны и вредны, насколько основание передовых постов полезно и необходимо.

Но это еще не все. Когда завоеванная область находится в другой стране, чем наследственная монархия завоевателя, для него является множество других забот, которыми он не вправе пренебрегать: он должен стремиться сделаться главой и покровителем соседних и менее могущественных государей, но также ослаблять тех из них, чье могущество начинает возрастать, зорко наблюдая, чтобы в управление этими мелкими государствами не вмешался по какому-либо случаю какой-либо правитель, настолько же, как и он могущественный; всякое такое вмешательство обыкновенно принимается благоприятно всей массой тех граждан, которых неудовлетворенное честолюбие или страх сделали недовольными, и все они делаются обыкновенно сторонниками этого чуждого вмешательства. Так этолийцы помогли римлянам проникнуть в Грецию, подобно тому как помогали им в этом и жители всех других стран, куда они проникали.

Обыкновенно в таких случаях дело происходит так: как только могущественный иноземец вступает в чужие страны, все мелкие правители, побуждаемые ненавистью и завистью к более сильному соседу, примыкают к нему и стараются ему содействовать в его предприятиях. Но предусмотрительный государь может не опасаться этого, он всегда сумеет заранее привязать к себе всех этих мелких правителей разными ничтожными уступками их самолюбию, и тогда они обыкновенно охотно становятся защитниками приобретенной им страны, как бы усиливая ее контингент. Но при этом конечно он не должен забывать, что нельзя допускать ни одного из этих мелких правителей забирать себе слишком много власти; а если бы с которым-нибудь из них это и случилось, то государю легко, при помощи своих войск и расположении других мелких правителей, тотчас же ему воспрепятствовать и оставаться таким образом самым полномочным господином между всеми окрестными странами. Правитель, не соблюдающий этого образа действий, обыкновенно очень скоро лишается завоеванной страны или, если в ней еще и удерживается, то встречает для своей власти бесконечные препятствия и неприятности. Римляне старательно соблюдали все эти правила в отношении к завоеванным ими землям: они основывали колонии, поддерживали менее могущественных соседей, не допуская усиливаться их могуществу, и препятствовали водворению в их странах всякого влияния могущественных иноземцев. Для доказательства достаточно одного примера – действий римлян в Греции: они поддерживали этолийцев и ахейян, ослабляли Македонию, прогнали Антиоха и, несмотря на все услуги, оказанные им этолийцами и ахейянами, они не допускали их усиливаться; все усилия Филиппа приобрести их дружбу не могли увенчаться успехом, прежде чем им не удалось его несколько унижить, и все могущество Антиоха не могло вынудить у них согласия на то, чтобы он мог владеть хотя клочком земли в Греции.

Римляне в этом случае поступали именно так, как обязаны действовать все прозорливые правители, озабочиваясь об отстранении не только настоящих, но и всех могущих произойти в будущем, затруднений – всеми мерами, какие указывает благоразумие, ибо только предвидя зло заблаговременно, можно его избежать; если же ждать его приближения, то можно потерять благоприятное время для противодействия ему, подобно тому, как запуская болезнь можно довести ее до неизлечимости, когда уже никакое лекарство не в состоянии помочь. Чохотка, о которой врачи говорят, – что она вначале трудно распознается и легко излечивается, а в конце распознается легко, но лечить ее бывает трудно, – весьма подходящий пример к моим поло-

жениям. И в делах государств мы видим то же самое: если зло предвидится заблаговременно (что доступно конечно только правителям мудрым), то уничтожить его можно быстро, если же, по небрежности, дать ему возможность усилиться до того, что оно сделается очевидным для всех, – побороть его становится уже делом почти невозможным. Римляне, предвидя обыкновенно зло заранее, всегда удачно ему противодействовали, они не позволяли ему развиваться даже в тех случаях, когда это угрожало им войной; они знали, что всякое промедление при этом могло служить только в пользу их врагам. Поэтому они объявили войну Антиоху и Филиппу в Греции, чтобы предупредить необходимость защищаться от них в Италии, и хотя могли избежать этих обеих войн, но не избегали их. Они не придавали значения словам, так часто повторяемым мудрецами нашего времени: пользуйся преимуществами времени, они предпочитали преимущества силы и благоразумия, зная, что время может приносить с собой и зло, так же как и добро.

Но возвратимся к Франции, и посмотрим, было ли ей сделано что-либо из того, о чем мы говорили. Мы рассмотрим действия Людовика⁸ (XII), а не Карла (IX), так как сохранение первым на более продолжительное время своего владычества в Италии дает нам большую возможность проследить весь его образ действий. При этом мы ясно увидим, что он поступал совершенно противоположно тому, как должен был бы поступать, чтобы сохранить за собой господство над страной. Людовик XII получил возможность проникнуть в Италию, благодаря помощи честолюбивых венецианцев, которые рассчитывали при этом воспользоваться половиной Ломбардского герцогства. Я далек от осуждения этой связи Людовика с венецианцами, так как он, желая войти в Италию и утвердиться в ней, не только не имел в то время в ней никаких друзей, но напротив предшествовавшее поведение Карла VIII делало ему это невозможным, и он вынужден был не выбирать себе союзников, а только пользоваться тем, что предоставляли обстоятельства, и его планы имели бы успешное осуществление, если бы только впоследствии он не делал ошибок. Таким образом, завладев Ломбардией, он быстро восстановил ту репутацию, которой лишил его Карл: Генуя пошла на уступки, Флоренция – стала его союзницей, герцог Феррарский, семья Бентиволио, правительница Форли⁹, владетели Фаэнцы, Пезаро, Римини, Камерино, Пиомбино, жители Лукки, пизанцы, жители Сиенны – все наперебыв друг перед другом искали его дружбу. Венецианцам сделалось ясно, что – допустив, ради приобретения себе двух городов в Ломбардии, французского короля сделаться властителем двух третей Италии – они сделали неблагоприятную ошибку. При таких обстоятельствах, Людовику XII весьма не трудно было бы поддерживать в этой стране свое влияние, если бы он сумел осуществить на деле те правила благоразумия, которые изложены нами выше. Для этого ему было бы необходимо принять под свое покровительство и оказывать деятельную защиту многочисленным мелким владетелям, искавшим его дружбы. Все они были слабы и, боясь нападений – одни со стороны пап, другие со стороны венецианцев, – поневоле должны были бы стараться быть с ним за одно, а такой союз был бы для него достаточным, чтобы бороться успешно с теми владетелями, у которых еще оставалось какое-либо могущество. Но он, едва вступив в Милан, стал действовать совершенно противоположно, подав помощь папе Александру¹⁰, при занятии последним Романы¹¹. Он не видел что, действуя таким образом, он действовал против себя самого, ослабляя себя потерей союзников, которые так желали его дружбы, и усиливая власть пап, помогая им к духовной власти, дававшей им и без того громадное значение, приобрести еще и светскую, столь же значительную.

За первой ошибкой последовали другие, так что ему пришлось самому отправиться в Италию, чтобы положить предел честолюбиво-завоевательным стремлениям папы Александра и воспрепятствовать ему подчинить Тоскану своему владычеству.

Но и это еще не все. Не удовлетвовавшись тем, что так возвеличил могущество церкви, что лишился чрез это союзников, Людовик, пламенно желая овладеть Неаполитанским коро-

левством, решился разделить его с испанским королем; и таким образом, будучи до тех пор единым, неограниченным властелином Италии, он сам ввел туда себе соперника, помогать планам которого могли все честолюбцы и недовольные. Для него было весьма возможно оставить на троне неаполитанского короля, который без сопротивления согласился бы быть его данником, но он свергнул его и помог взойти на престол сильному испанскому королю, который его самого мог во всякое время прогнать из Италии.

Страсть к завоеваниям – дело без сомнения весьма обыкновенное и естественное: завоеватели, умеющие достигать своих целей, достойны скорее похвалы, нежели порицания; но создавать планы, не будучи в состоянии их осуществлять, – и неблагоприятно и нелепо. Поэтому-то, если бы Франция имела достаточно силы для завладения Неаполем, то она имела бы право к этому стремиться, но не имея на это достаточно сил – было неразумно даже и затевать такое предприятие, а тем более разделять это королевство; и если раздел обладания Ломбардии с венецианцами извинителен, как единственная мера, могшая помочь его вступлению в Италию, то последнее разделение, не имевшее никаких важных, побудительных причин, положительно не извинительно. Итак Людовик XII сделал в Италии пять основных ошибок: он совершенно задавил слабых правителей и усилил могущество сильнейшего, ввел в Италию весьма могущественного чужеземного государя, не перенес туда своей резиденции и не укрепился там основанием колоний. Все эти пять ошибок не повлекли бы однако за собой немедленного падения его власти, по крайней мере при его жизни, если бы он не присоединил к ним шестой и самой важной, т. е. не вознамерился бы отнять власти у венецианцев. Мысль ослабить их была бы вполне разумной и даже необходимой, если бы предварительно он не возвысил власти церкви и не призвал в Италию испанского короля; но сделав уже то и другое, он не должен был соглашаться на дело, грозившее гибелью для венецианцев, так как до тех пор, пока их могущество не было нарушено, они служили оплотом против покушений на Ломбардию и не допускали бы никого завладеть ей, кроме себя, и конечно никому бы и не пришло на мысль отнимать Ломбардию у Франции с тем, чтобы уступить ее венецианской республике; бороться же против соединенных сил Франции и Венеции едва ли у кого хватило бы духу. Если бы кто-нибудь вздумал извинять отдачу Людовиком Романьи – папе, а Неаполя – испанскому королю тем, что он делал это для избежания войны, то в высказанном уже мной положении, что никто из правителей не должен, ради избежания войны, допускать усиление зла, заключается на это опровержение, так как война при этом не избегается, а только отдалается, чтобы потом послужить во вред самому неблагоприятному правителю.

Если бы кто-нибудь стал объяснять эту отдачу – как исполнение обещания, данного Людовиком папе, помогать ему в этом предприятии за разрешение своего брака и получение кардинальской шапки руанским архиепископом (кардиналом Амбруазским), то я на это отвечу дальнейшим изложением моей книги, где покажу, как должно смотреть на обещания государей и каким образом они их исполняют¹².

Итак Людовик XII потерял Ломбардию потому, что не соблюл ни одной меры благоразумия из обыкновенно соблюдаемых теми завоевателями, которые хотят приобретаемые провинции удержать за собой. В этом нет ничего удивительного, но так должно было случиться, сообразно с логикой и естественным порядком вещей.

Я был в Нанте в то время, когда Валентино (так назывался тогда Цезарь Борджиа, сын папы Александра VI) сделался владельцем Романьи. Кардинал Амбруазский, с которым я рассуждал об этих событиях, сказал мне, что итальянцы ничего не смыслят в военном деле; на это я заметил ему, что французы столько же понимают в политике, так как, если бы они в ней хотя что-нибудь понимали, то никогда не допустили бы церкви подняться до такого могущества. Опыт же показал, что увеличение могущества церкви и Испании в Италии было делом Франции, а в нем заключалась и ее собственная погибель. Из всего этого можно вывести то общее правило, почти безошибочное, что каждый государь, оказывающий услугу другому, если этим

значительно увеличивается могущество последнего, работает на свою погибель, так как для этого он употребляет силу или уменье, а оба эти качества начинают казаться новому потентату, едва он достигнет своей цели, подозрительными и опасными для него.

Глава IV

Почему государство Дария, завоеванное Александром Македонским, после смерти последнего не восстало против его наследников?

Соображая все трудности, с какими сопряжено удержание за собой завоеванных областей, многие могут быть удивлены, каким образом после смерти Александра Великого, завоевавшего в несколько месяцев целую Азию и умершего тотчас же вслед за этим завоеванием, при его наследниках не происходило никаких восстаний, тогда как, по здравому смыслу и естественному порядку вещей, казалось бы, что они немедленно должны бы были вспыхнуть повсюду. Это действительно может показаться странным, так как единственные трудности, возникавшие у его наследников, происходили между ними самими и были порождены их личным честолюбием.

Для объяснения этого явления, замечу, что все монархии, о которых нам известно в истории и о которых остались управлялись двумя различными способами. В одних верховная власть принадлежала одному Правителю; все подданные были рабами, из которых Правитель мог по своему благоусмотрению и как бы из милости назначать Министров, помогавших ему в деле управления. В других, кроме верховного Правителя, существовали еще самостоятельные князья, не получавшие своей власти из милости Государя, но пользовавшиеся ей по праву древности своего рода. Каждый из этих князей имел свои собственные владения и подданных, признававших его своим государем и отличавшихся своей естественной преданностью ему. В государствах первого рода – Правители имели несравненно большую власть, так как во всей их монархии не находилось никого равного им по могуществу; если народ и повиновался министрам, то повиновался им только как органам государственной власти, не питая к ним никакого личного расположения. В наше время типами этих двух различий государственного устройства могут служить Турция и Франция. Вся Турецкая империя управляется одним султаном, все другие властители ее – его рабы и слуги; он разделяет свою территорию на пашалыки, как ему заблагорассудится, и, назначая различных сатрапов, дает им полномочия какие вздумает, сохраняя за собой право по произволу сменять их и усиливать или ограничивать их власть, сообразно своим личным капризам. Во Франции же король окружен множеством ленных владетелей древних родов, у каждого из них есть свои подданные, привязанные к нему; они пользуются прерогативами, на которые король не может без вреда для себя посягать.

Рассматривая оба эти различные образы правления, мы поймем, что покорить Турецкую империю весьма трудно, но, раз покоривши ее, удержать за собой власть будет чрезвычайно легко. Трудность завоевания Турции состоит в том, что в ней нет независимых князей, которые могли бы призвать завоевателя, и в том, что для успеха своего предприятия он не может рассчитывать на возмущение приближенных султана, что уже ясно из всего изложенного мной: все эти приближенные – создание его рук, рабы, возвеличенные его милостью и потому лично ему обязанные; подкуп их – дело рискованное, да если бы он и удался и они возмутились, то все-таки нельзя надеяться, что они сумеют и смогут увлечь в восстание – массы народа. Таким образом, если бы кто-нибудь задумал покорить Турцию, – ему нечего было бы рассчитывать на смуты и несогласия лиц, окружающих престол султана; он должен быть приготовлен, что во всех их – он встретит единодушный отпор, а потому должен сообразить насколько он может надеяться на свои собственные силы. Зато, если бы он хотя раз разбил турецкие войска в открытом сражении, так что поставил бы Турцию уже в невозможность дать другое сражение, – ему оставалась бы только единственная забота: искоренить династию султана. Со стороны народа ему нечего было бы опасаться, так как последнему было бы некого ему про-

тивопоставить, и подобно тому, как до решительного сражения ему нельзя было надеяться на народ, после победы для него не было бы также никакого основания опасаться его.

Совершенно другое дело – завоевать Францию и всякую другую страну с образом правления подобным существующему в ней. Завладеть такой страной и войти в нее, вкравшись в расположение кого-либо из ленных владетелей, – не особенно трудно. Найти в этой среде помощника для своих целей легко уже потому, что между ними всегда есть недовольные и люди жаждущие новизны и перемен. Эти недовольные могут дать завоевателю средство войти в страну и сделать завоевание – скорым и безопасным, но вслед за этим завоеванием прямо наступают непреодолимые трудности для удержания владения за собой. Завоевателю приходится бороться и с теми, кто помогал его победе, и с теми, кого придется ему угнетать для водворения своей власти. Истребление династии короля не послужит ни к чему, так как после такого истребления остаются ленные владетели, из которых каждый может в свою очередь сделаться главой нового восстания. Всех их истребить, по многочисленности их, невозможно, и завоеватель обыкновенно теряет свое приобретение, при первом неблагоприятном для себя случае. Теперь, приняв в соображение, что государство Дария управлялось подобно тому, как управляется Турция, легко понять, что Александру Македонскому пришлось бороться со всеми силами его государства, но после решительного сражения и смерти Дария, управиться с покоренной страной и удержать ее за собой, по причинам уже изложенным мной, – было не трудно. Точно так же, если бы его наследники не разъединялись, то могли бы спокойно править этими областями, так как в них нигде не поднималось никаких других смут, кроме тех, которые происходили от несогласий и соперничества самих этих правителей.

Что же касается до государств, управляемых подобно Франции, то удерживать их так же спокойно за собой – едва ли даже возможно. Вот причина беспрестанных восстаний против римлян как в Испании, так и в Галлии и в Греции, где находилось множество мелких независимых государств. Эти восстания происходили беспрестанно, не давая римлянам никакой вероятности рассчитывать на прочность своего владычества до тех пор, пока самая память о существовании этих мелких владений не угасла; только тогда началось для римлян время спокойного обладания завоеванными областями. Но и после наступления такого спокойствия, когда между самими римлянами начали происходить междоусобия, каждый из предводителей партий мог подчинять себе те из провинций, в которых имел больше влияния, так как, за продолжительностью владычества римлян, всякая память о других государях в них угасла. Всякий, кто вникнет во все мной изложенное, уже не станет удивляться, почему Александру Македонскому было легко сохранить свою власть в азиатских, завоеванных им, государствах и почему прочим завоевателям, как например Пирру и многим другим, – это было так трудно. Это различие обуславливалось вовсе не личными доблестями того или другого завоевателя, а различием, существовавшим в прежнем образе правления самих завоеванных стран.

Глава V

Каким образом должно управлять странами или государствами, которые до своего покорения управлялись собственными законами

Когда завоеванные страны до своего покорения управлялись собственными законами, пользовались свободными учреждениями, то завоеватель может удержать их за собой тремя способами. Первый способ – разорить и обессилить их, второй – лично в них поселиться и третий – оставить неприкосновенными существующие в них учреждения, обложив только жителей данью и учредив у них управление, с ограниченным личным составом, для удержания жителей в верности и повиновении. Такое управление, власть и значение которого – дело рук завоевателя, будет очень хорошо сознавать свою от него зависимость и станет употреблять всевозможные меры к сохранению и поддержанию его власти, да и обыкновенно особых беспорядков в стране не происходит, так как страны, привыкшие к свободным учреждениям, лучше всего управляются этим способом, при котором в управлении принимают участие те самые граждане, которые стояли во главе управления и до завоевания страны.

Спартанцы и римляне могут в подобном случае служить нам примером.

Спартанцы держались в Афинах и Фивах (хотя впоследствии их и потеряли), только тем, что поручили в них власть весьма небольшому числу людей. Римляне, чтобы утвердить свое господство в Капуе, Карфагене и Нуманции, разорили эти провинции и сохранили их за собой. В Греции однако они хотели последовать примеру спартанцев, оставив завоеванные города свободными и не нарушив существовавших в них учреждений, – и им это не удалось, так что для того, чтобы удержать за собой эту покоренную провинцию, им пришлось разорить и уничтожить многие города. Очевидно, что способ разорения покоренных стран – самый лучший и наиболее безопасный. Вообще всякий завоеватель, не разоривший завоеванного им государства, привыкшего к свободным учреждениям, может и должен впоследствии ожидать себе от него гибели. Никакая продолжительность времени, никакие благоденствия не помогут жителям завоеванной области позабыть свою утраченную свободу и народные учреждения; эта утраченная свобода делается лозунгом при всех недоразумениях, производя возмущения; если только жители не разъединены и не рассеяны по другим странам государства завоевателя, то всякий удобный случай подает им повод восставать во имя этой свободы и своих утерянных учреждений: так Пиза, после столетнего рабства, все-таки поднялась и свергла иго флорентийцев.

Совершенно иначе бывает в странах привыкших жить под управлением своего государя. Как скоро династия его угасла, жители, привыкшие к повиновению, не умея ни согласиться между собой в выборе нового Правителя, ни жить свободно, не очень скоро принимаются за оружие, так что завоеватель может, как легко завладеть ими, так же легко впоследствии и держать их в покорности и повиновении. Это не республики – жизнь в которых деятельна и складывается совершенно иначе, отчего у республиканцев и ненависть к завоевателю более глубока, и жажда мщения – неугасимее; эта жажда мщения во имя утраченной свободы не оставляет их мысли ни на одну минуту, так что завоевателю, покорив республику, остается только или разорить ее, или перенести туда свою резиденцию.

Глава VI

О странах, приобретаемых оружием или искусством завоевателя

Да не станет никто удивляться, что я, говоря о вновь возникающих государствах, привожу примеры знаменитейших государств древности. Люди в своих делах почти всегда идут по проторенной уже дороге и действуют, подражая кому-либо или чему-либо, хотя им не удастся никогда ни сравниться в добродетелях с теми, кому они подражают, ни совершенно точно следовать по избранному пути. Поэтому то и необходимо, чтобы благоразумный человек шел по путям, пробитым великими людьми; тогда если он и не достигнет величия и славы мужа, которому он подражает, то все-таки воспроизведет в своих действиях его дух и направление. Он должен поступать как поступают опытные стрелки, которые, заметив, что место, куда им следует попасть, весьма отдаленно, и зная в совершенстве качества своих арбалетов, целят гораздо выше, – туда куда им попасть невозможно, рассчитывая что, только благодаря такому прицелу, пули их достигнут предположенной цели. И так, замечу, что во вновь возникающих государствах, где Правители только что водворяются, большие или меньшие трудности управления находятся в прямой зависимости от личных качеств и добродетелей этого Правителя, только что получающего власть, хотя и не следует предполагать, чтобы эти трудности были вообще незначительны. Хотя уже одно возвышение простого гражданина до власти Правителя предполагает, что ему помогли в этом или доблесть или счастье, а и то и другое может значительно помочь при устранении дальнейших затруднений, но чем меньшую роль при его возвышении играло счастье, тем вероятнее продолжительность и прочность его власти. Неимение других владений также служит в пользу такому Государю: он поневоле основывает свою резиденцию во вновь возникающем государстве, а это значительно облегчает трудности управления.

Из лиц сделавшихся Правителями народа, благодаря своим личным достоинствам, а не одной удаче, – приведу в пример Моисея, Кира, Ромула, Тезея и им подобных.

О Моисее распространяться много не стану, так как он был только точным исполнителем божественных повелений, и в нем замечательна только полученная им благодать возможности личных бесед с Богом. Но рассматривая действия Кира и других, ему подобных завоевателей и основателей царств, прихожу к заключению, что и их образ действий совершенно такой же, как и Моисея, хотя никто из них не получал непосредственных наставлений от Великого Учителя Моисея.

Изучая жизнь и действия этих лиц, усматриваю что счастье не дало им ничего кроме случая, доставившего в руки их материал, которому они могли дать формы, какие им заблагорассудилось; без такого случая доблести их могли угаснуть, не имея приложения; без их личных достоинств случай, давший им в руки власть – не был бы плодотворным и мог пройти бесследно. Необходимо было, чтобы Моисей нашел народ Израилев в Египте томящимся в рабстве и угнетении, чтобы желание выйти из такого невыносимого положения побудило следовать за ним. Для того, чтобы Ромул сделался основателем и царем Рима, было необходимо, чтобы он при самом своем рождении был всеми покинут и удален из Альбы. Киру было необходимо застать персов недовольными мидийским господством, а мидийцев ослабленными и изнеженными от продолжительного мира. Тезею не удалось бы выказать во всем блеске своих доблестей, если бы он не застал афинян ослабленными и разрозненными. Действительно, начало славы всех этих великих людей было порождено случаем, но каждый из них, только силой своих дарований сумел придать великое значение этим случаям и воспользоваться ими, для славы и счастья вверенных им народов.

Правители, которые, подобно упомянутым мной лицам, обладают высокими дарованиями, если и овладевают с трудом государствами, зато без затруднений поддерживают в них свою власть.

В этом отношении затруднения их всего чаще происходят от новых учреждений, новых государственных форм, которые они бываю́т принуждены вводить, чтобы основать свое правление и обезопасить его; а надобно сказать, что нет предприятия более трудного для исполнения, более ненадежного относительно успеха и требующего больших предосторожностей при его ведении – чем введение новых учреждений. Нововводитель при этом встречает врагов во всех тех, кому жилось хорошо при прежних порядках, и приобретает только весьма робких сторонников в тех, чье положение должно при этих нововведениях уллучиться; робость эта происходит отчасти оттого, что лица, которым введение новых учреждений обещает уллучшение положения, боятся навлечь на себя этим злобу своих противников, сильных при существующем порядке, отчасти от общей всем людям недоверчивости ко всему новому, не признанному обычаем, не проверенному опытом. От этого происходит, что если враждебная сторона получит возможность напасть на нововводителей, то делает это со всем ожесточением к какому приводит ее дух партии, тогда как противники их защищаются вяло и неохотно, считая эту борьбу опасной для себя. Для того, чтобы с полной основательностью рассмотреть этот вопрос, следует различать достаточно ли сильны сами по себе нововводители, т. е. действуют ли они самостоятельно или под чуждым влиянием, и поэтому могут ли они для достижения своих целей повелевать, или бываю́т вынуждены прибегать для этого к просьбам и увещаниям?

В том случае, когда они не самостоятельны и вынуждены прибегать к просьбам, они обыкновенно терпят неудачу и не достигают никаких благоприятных для себя результатов; но когда они самобытны и имеют возможность действовать открытой силой – то успех почти всегда на их стороне. Поэтому-то вооруженные проповедники почти всегда торжествуют, а безоружные обыкновенно погибают; так как, кроме всего мной сказанного, не должно упускать из виду, что народы вообще, по самой природе своей – крайне непостоянны, и если порой и легко бывает убедить их в чем-либо, то удержать их в этом убеждении все-таки чрезвычайно трудно. Поэтому дело должно вести таким образом, чтобы тотчас вслед за ослаблением в них убеждения, можно было силой принудить их убедиться. Ни Моисей, ни Кир, ни Тезей, ни Ромул не были бы в состоянии долго поддерживать все, учрежденное ими, если бы не прибегали в случае надобности к оружию. На наших глазах, в наше время погиб знаменитый Джироламо Савонаролла, потерявший доверие увлеченного им народа, так как не располагал достаточными средствами, как для того, чтобы утвердить доверие к своей проповеди в тех, кто уже начинал ему верить, так и для того, чтобы заставить убедиться тех, кто не поддавался его убеждениям.

Повторяю, что все великие люди, подобные мной названным осуждены на борьбу с разнообразными затруднениями; их путь исполнен опасностями, которые они должны преодолеть, и только тогда, когда они сумеют совладать со всеми препятствиями, когда почтение к ним прочно укореняется, когда все их противники уничтожены, – они становятся и могущественны, и спокойны, и уважаемы, и счастливы.

К этим великим примерам я хотел бы присоединить не столько яркие, но одинаковые с ними по своей сущности, и полагаю, что для этого довольно будет указать хотя на одного Гиерона Сиракузского. Он сделался государем своей родины из простого гражданина, будучи обязан счастьем только одним случаем.

Угнетенные врагами Сиракузцы избрали его в полководцы и, только вследствие его заслуг на этом поприще, он удостоился быть облеченным верховной властью, но будучи еще простым гражданином он проявлял столько достоинств, что все древние писатели, упоминавшие о нем, говорили, что ему не доставало только государства, чтобы представлять собой образцового Государя. Он устранил старую военную систему и ввел новую, нарушил прежние союзы и заключил новые и, создав таким образом и войско и союзников, вполне ему преданных, на

таком прочном фундаменте мог уже воздвигать здание, сообразное со своими стремлениями, так что хотя достигнуть власти ему было и не легко, но сохранить ее за собой – не представляло уже никаких трудностей.

Глава VII

О новых монархиях, приобретаемых с чужой помощью и вследствие счастья

Все те, которые из частных лиц делаются Государями вследствие благоприятной им судьбы, если и достигают власти без особенного труда, за то испытывают немалые трудности, для удержания ее за собой.

Таковыми Государями бывают или те, которым какое-либо государство отдается за известную сумму денег, или по доброй воле того, кто им просто уступает государство. Так Дарий жаловал в Греции многие города, находившиеся в Ионии и по берегам Геллеспонта, своим приближенным, чтобы они управляли ими для его славы и безопасности; точно так же, многие узурпаторы, подкупая войско, получали через него верховную власть. Существование подобных Правителей находится в вечной зависимости от лиц, избравших их, и изменчивых и неверных обстоятельств. По большей части они бывают не в силах и не умеют поддерживаться на высоте выпавшего на их долю значения. Не в силах, — потому что у них не достает ни значительных войск, ни верных союзников, не умеют, — потому что для человека с обыкновенными способностями, жившего частной жизнью, весьма трудно приобрести те многообразные качества, к которым обязывает Правителя верховная власть. Кроме того быстро и внезапно возникающие государства, как и все скороспелое в порядке вещей, не имеют той необходимой прочности и опоры, которые достигаются только медленным и глубоким ростом корней, в чем и заключается ручательство, что первая же буря не опрокинет их без следа, если только эти правители не обладают тою опытностью, чтобы тотчас же, вслед затем как счастье даст в руки им власть, суметь приготовить себя к ее сохранению. Обыкновенно же они только впоследствии уже хватаются за то, что должны бы были предвидеть еще прежде получения власти. Приведу для обоих случаев, — когда частные лица становятся Правителями, благодаря своим достоинствам или одному счастью, в пример происходившее на нашей памяти, — Франческо Сфорцу и Цезаря Борджиа.

Франческо Сфорца — честными средствами и единственно вследствие своего мужества и умения — сделался Миланским герцогом, и то, что приобрел с громадным трудом, сохранял за собой довольно легко.

Напротив того, Цезарь Борджиа, называемый обыкновенно герцогом Валентино, получил власть благодаря счастью своего отца и потерял ее тотчас же, как только последнее перестало его поддерживать, не смотря на то, что не пренебрегал ничем, что может сделать благо-разумный и честный человек, чтобы утвердить свое могущество в стране, доставшейся ему при помощи чужого оружия и счастья. Действительно, как я уже говорил, нельзя считать невозможным, чтобы очень искусный человек не стал тотчас же по достижении власти утверждать основы ее, которые должны бы были существовать еще до получения им управления государством, но это труд всегда весьма тяжелый для архитектора и небезопасный для здания. Рассматривая действия герцога, всякий может убедиться, что он потратил не мало труда, для доставления прочных основ своей власти в будущем. Я считаю не бесполезным остановиться на подробном их рассмотрении, так как полагаю, что для всякого нового Правителя они могут быть образцом, и если его учреждения не увенчались успехом, то это произошло не от его вины или оплошности, но только вследствие стечения необыкновенных, крайне неблагоприятных для него обстоятельств. Александр VI, желая возвеличить герцогство своего сына, видел что ему придется бороться со множеством затруднений в настоящем и в будущем. Прежде всего он видел, что не может сделать его обладателем никакого государства, кроме того, которое было подвластно церкви, а против его захвата предвидел противодействие Миланского

герцога и венецианцев, так как в то время Фаэнца и Римини пользовались уже покровительством Венеции. Видел он также, что все силы Италии и преимущественно те, которыми он мог бы воспользоваться, находились в руках тех, кто имел более всех оснований опасаться увеличения могущества пап; надеяться на них он не мог, так как все они были в зависимости от семейств Орсини¹³ и Колонна и их приверженцев. Для него было, следовательно, необходимо разрушить весь существовавший в Италии порядок, перессорить между собой все итальянские государства, чтобы во время неурядиц суметь привлечь некоторые из них на свою сторону. Ему это было не трудно, так как венецианцы в то же время, побуждаемые другими основаниями, уже задумывали призвать французов в Италию; он не только не стал этому препятствовать, но даже помог, дозволив Людовику XII расторжение его прежнего брака. Правитель этот, следовательно, вошел в Италию с согласия венецианцев и папы и, едва он занял Милан, в распоряжении Александра VI очутилось могущественное войско для занятия Романьи; благодаря страху, который нагнало на всех это французское войско, Романья не сопротивлялась и страна само собой очистилась для него. Завладев таким образом этой провинцией, герцог Валентино, для осуществления прочности своего господства и дальнейших своих успехов, встретил две следующие трудности: одна происходила оттого, что он не мог полагаться на войска, другую представляло могущество французского короля, т. е. он столько же опасался, чтобы войска Орсини, которые ему служили, не отказались бы в трудные минуты помогать ему, не только отняв этим у него возможность дальнейших завоеваний, но даже поставив в необходимость потерять уже приобретенное, сколько и завоевательных замыслов французского короля. Орсиниевские войска уже показали перед тем на деле, насколько можно рассчитывать на их преданность, так как, после взятия Фаэнцы, во время Болонской экспедиции, он видел, что они действовали вяло и неохотно. Образ же мыслей французского короля несколько выяснился перед ним тем, что когда, завладев герцогством Урбино, он располагал идти на Тоскану, – французский король воспрепятствовал осуществлению этого предприятия.

Вследствие таких соображений, герцог решился действовать независимо и освободиться как от помощи чужих войск, так и от чуждого влияния. В этих видах он стал прежде всего стремиться к ослаблению в Риме партий Орсини и Колонны, действуя преимущественно на тех из их сторонников, которые были значительнее по благородству своего происхождения. Он осыпал их почестями, назначал им значительное содержание, облакал их значительной властью, назначал высокие места – так что в самое короткое время переманил их всех на свою сторону и заставил угаснуть дух партий.

Ослабив, таким образом, сначала партию Колонны, он выждал случая сделать то же самое со сторонниками Орсини, а когда этот случай представился, он блистательно им воспользовался. В самом деле, когда наконец представители этой последней партии стали несколько поздно догадываться, что усиление его могущества и могущества церкви – послужит для них погибелью, они учредили между собой в Маджигоне, в Перузе нечто вроде совещательного сейма; на этом сейме было решено как восстание в Урбино, так и смуты в Романьи и все различные трудности, над которыми однако герцогу удалось восторжествовать при помощи французов. Восстановив свою репутацию и недоверяясь более ни Франции, ни другой какой-либо чуждой державе, он прибегнул к хитрости, и сумел так искусно притворяться, что при посредстве синьора Паволо, в котором он был уверен, так как осыпал его деньгами и подарками (богатые одежды, лошади и т. д.) ему удалось даже помириться с Орсиниевской партией и она по своей простоте отдалась в его руки при Синигалии.

Ослабив этих знаменитых предводителей и привязав к себе их сторонников, он тем прочнее усилил свою власть, что в то же время благоразумными и кроткими мерами заставил жителей приобретенных им Романьи и Урбинского герцогства думать, что для них наступила пора благополучной жизни – и этим заслужил их привязанность. Так как и в этом действия его

можно считать образцовыми, то я не считаю бесполезным привести некоторые подробности о мерах, принятых им для этого.

Романья досталась герцогу после ряда Правителей слабых и неспособных, скорее разорвавших страну, нежели управлявших ей, скорее разъединявших своих подданных, нежели способствовавших им образовать собой сильное единство; так что в ней происходили беспрестанные грабежи, убийства и всякие неурядицы. Герцогу сделалось ясно, что для водворения в ней порядка и повиновения его власти, следовало озаботиться о хорошем управлении ей. Для этого он назначил туда мессира Рими́ро д'Орко, человека жестокого и энергического, и дал ему самые широкие права. Этот д'Орко на самом деле в самое короткое время привел все в порядок и водворил всюду спокойствие, чем и приобрел себе весьма быстро репутацию. Тогда герцог, видя, что в насильственных мерах не стоит более надобности и боясь, чтобы дальнейшее господство д'Орко не сделало его ненавистным народу, учредил в центральном пункте провинции судебный трибунал, в котором каждый город имел своего представителя, а главой его выбрал лицо, пользовавшееся общим уважением за свои превосходные качества. Он пошел даже дальше: сознавая что крутые меры д'Орко должны были неизбежно поселить в некоторых жителях чувство ненависти и недовольства и желая уничтожить самые основания к такому недовольству, он счел необходимым показать вид, что будто бы все минувшие жестокости происходили не от него, а от личной кровожадности бывшего министра. Для этого, воспользовавшись первым удобным случаем, он казнил д'Орко, и приказал выставить на площади в Чезене у плахи тело его, рассеченное пополам, и положить подле окровавленный нож. Это возмутительное зрелище, как удовлетворило чувство ненависти в народе, так и поселило чувство страха и уважения к герцогу. Но вернемся к тому, на чем мы остановились.

Преобразовав свои военные силы, уменьшив значение военных сил соседних государств, могших быть для него опасными, герцог увидел, что он стал весьма могущественным, почти совершенно обеспеченным от опасностей в настоящем и мог уже думать о дальнейших завоеваниях. Но для осуществления своих завоевательных замыслов он видел одно препятствие – Францию, так как он понимал, что французский король, понявший поздно, что он ошибся в герцоге, – не потерпел бы дальнейшего увеличения его могущества. Поэтому он стал искать новых союзов, а в отношении Франции принял двусмысленный образ действий, в то время когда французские войска двинулись против испанцев, осадивших Гаэту; он мечтал даже, что удастся ему поставить Францию в совершенную невозможность ему вредить, – чего вероятно скоро бы и достиг, если бы папа Александр прожил долее.

Таким образом боролся он с теми препятствиями, которые представляло ему настоящее. В отношении будущего ему грозила прежде всего опасность, чтобы преемник папы не стал к нему во враждебное отношение и не вздумал бы отнять от него то, что было доставлено ему его отцом – папой Александром VI. Предотвратить такую победу он задумал следующими четырьмя способами: во-первых, он счел нужным искоренить все потомство тех из синьоров, которых он ослабил, чтобы отнять у нового папы возможность вредить ему при содействии этих лиц. Во-вторых, он рассчитал необходимость приобрести расположение представителей древнейших родов в Риме, чтобы при их пособии держать нового папу как бы в узде. В-третьих, он задумал сблизиться, как только можно, с членами священной коллегии. В-четвертых, он понимал, что ему еще до наступления смерти папы Александра, необходимо так поднять свои силы, чтобы, в случае надобности, он без чужой помощи мог выдержать первое нападение. В минуту смерти папы Александра, три первые способа действия были уже успешно им приложены к делу, и он считал уже, что почти осуществил и то, что требовалось четвертым. В самом деле, ему удалось уничтожить почти все потомство разоренных им синьоров – и мало кому из них удалось от него спастись. Представителей древних родов в Риме ему удалось увлечь на свою сторону, и в самой священной коллегии – он располагал уже значительной партией в свою пользу. Что же касается до усиления его могущества, то он уже предполагал в то время овладеть

Тосканой: это ему казалось легко достижимым, так как он уже владел Перузой и Пиомбино и держал под своим покровительством Пизу. Последнюю он мог даже захватить, не принимая в соображение, как отнесется к этому Франция, так как в это время ему не было необходимости ее опасаться. Французы были уже тогда выгнаны из Неаполитанского королевства испанцами, и как те, так и другие, были настолько истощены войной, что сами должны были искать дружбы герцога. Вслед за покорением Пизы ему подчинились бы и Лукка и Сиенна, частью из страха, частью из зависти к флорентийцам, которые этим были бы поставлены в незавидное положение. Если бы вся эта программа была им осуществлена (а достигнуть такого осуществления он мог рассчитывать к концу того самого года, в начале которого умер папа Александр), то он достиг бы вершины такого могущества и славы, что сам собой, один, независимо от игры случая или чужой помощи, мог бы быть и сильным, и самостоятельным, благодаря только личному своему могуществу и доблести. Но папа Александр умер, когда еще не прошло и пяти лет с того дня, как герцог обнажил свой меч, и из всех его завоеваний одна только Романья была хорошо устроена, – во всех других областях власть его была еще мало упрочена, ему приходилось колебаться в выборе между двумя враждующими армиями и вдобавок еще быть больным при смерти.

Однако он отличался такой решимостью и энергической храбростью; он так тонко понимал искусство управлять людьми и истреблять их; основы, положенные им для упрочения своей власти, были настолько крепки, что не будь вблизи этих двух армий и будь он здоров, он восторжествовал бы над всеми трудностями. Доказательством того, что основы его власти отличались действительной прочностью, может служить как то, что Романья более месяца ждала его выздоровления, прежде чем решиться действовать против него, так и то, что полумертвый он находился в Риме в полнейшей безопасности и ни сторонники Бальони, ни сторонники Вителли и Орсини, отовсюду собравшиеся в этот город, не могли составить против него партии. Он мог бы, если бы был только здоров, если не утвердить папу по своему выбору, то по крайней мере воспрепятствовать избранию такого, которого он не хотел бы; если бы он только был здоров в минуту смерти папы – ему было бы легко достигнуть всего. Таким образом, по поводу назначения папы Юлия II-го, он говорил мне, что заранее предвидел все обстоятельства, какие могли возникнуть со смертью его отца, и что имел средства со всем справиться, но что никогда и не воображал, чтобы в эти критические минуты ему пришлось бороться не с политическими соперниками, а с болезнью и смертью.

Соображая все действия герцога, я нахожу, что в них не только нет ничего, достойного порицания, но что на него, – как я и сделал, – можно смотреть как на достойный подражания образец Правителя, достигшего власти при помощи счастья и чужих войск. Обладая значительной храбростью и высоким честолюбием, он не мог действовать иначе, чем действовал, и в достижении своих целей только и мог быть остановлен совпадением двух роковых для себя случайностей: недолговечностью отца своего – папы и гибельной своей болезнью. Всякий Правитель, которому придется учреждать новую монархию и который поймет, что ему необходимо обеспечить себя от врагов, приобрести союзников, победить хитростью или открытой силой, заставить подданных любить себя и покоряться себе, привязать к себе солдат и заставить их быть усердными исполнителями своей воли, уничтожить всех, кто может ему вредить, заменить старые учреждения новыми, выказаться в одно и то же время строгим и милостивым, великодушным и либеральным, образовать новые войска и уничтожить старые, суметь так поставить себя в отношении к другим Государям, чтобы каждый из них считал приятным для себя делать ему услуги и опасался поступать в отношении к нему несправедливо, – каждый такой Правитель должен взять себе примером герцога Валентино. Более свежего примера разумных действий этого рода – я не сумею найти. Единственной его ошибкой было согласие на избрание папы Юлия II-го, так как я уже говорил, что если он и не мог назначить папы по своему произволу, то имел полную возможность воспрепятствовать избранию того, которого

не хотел бы. Он не должен был ни в каком случае давать своего согласия на назначение папой кого бы то ни было, из оскорбленных им кардиналов, так как, возведенные в сан первосвященника, эти кардиналы все-таки имели бы основание его опасаться, а страх и ненависть – главные двигатели, обращающие людей в наших врагов.

Кардиналы, оскорбленные герцогом, были Петр (San Pietro ad Vincula), Коллона, Георгий (San Giorgio) и Асканио Сфорца. Все остальные имели основания его бояться, за исключением кардинала Амбуазского (Roano) и испанских; последние составляли между собой как бы отдельную корпорацию, значительно усиливавшую каждого из них в отдельности, кардинал же Амбуазский был силен своими связями с Францией. Следовательно герцогу, должно было поддерживать преимущественно кандидатуру кого-либо из кардиналов испанских или наконец даже скорее согласиться на избрание кардинала Амбуазского, чем на избрание Петра. Страшное заблуждение думать, что люди, облеченные верховной властью, принимая новые добровольные услуги, в состоянии забыть старые счета. Согласясь, следовательно, на избрание папы Юлия II-го, герцог Валентино сделал роковую ошибку, приведшую его к окончательной гибели.

Глава VIII

О правителях, достигающих верховной власти бесчестными средствами

Так как частные люди могут достигать верховной власти (что не всегда можно приписать их счастью или личным достоинствам) еще другими двумя способами, то я не считаю возможным обойти и эти способы молчанием. Об одном из них следовало бы даже говорить с особенной подробностью, если бы дело шло о республиках, а не о монархиях.

Один из этих способов, когда верховная власть достигается бесчестным захватом или подлогом, другой – когда она вручается избраннику, как выражение расположения к нему его сограждан.

Для указания, как достигается власть первым способом, я удовольствуюсь двумя примерами: одним из древней, другим из новой истории. Входить в рассмотрение значения этого способа с точки зрения справедливости и нравственности – я не стану, так как полагаю, что для того, кто захочет прибегнуть к такому способу, достаточно будет указаний, какие он найдет в примерах, которые я привожу. Агафокл Сицилийский сделался государем Сиракуз, будучи не только простым гражданином, но выйдя из самого низшего и отверженного сословия. Сын простого горшечника, он был известен за человека отчаянного, способного на всякие проделки, но все эти проделки выказывали в нем столько силы физической и силы ума, что, избрав военное поприще, он скоро достиг звания претора¹⁴ Сиракуз. Дойдя до этого звания, он задумал сделаться правителем и даже захватить верховную власть, но, чтобы не быть никому обязанным, решился взять ее силою, хотя мог получить эту власть с согласия своих сограждан. Для этого он вошел в соглашение с карфагенским военачальником Гамилькаром¹⁵, войска которого находились в это время в Сицилии. В одно утро созвав сиракузский народ и сенат, под предлогом обсуждения важных для республики дел, он приказал своим солдатам, броситься на сенаторов и богатых граждан и перебить их. Когда все эти лица были перерезаны, – он без всякого труда захватил господство над страной и сохранил его за собой. Хотя после этого карфагеняне два раза его разбили, а в последний раз даже осадили Сиракузы, он не только сумел отстоять город, но, разделив свои войска на две части и оставив одну гарнизоном в Сиракузах, с другой отправился в Африку, так что в самое короткое время заставил карфагенян снять осаду и привел их в крайнюю необходимость войти с ним в сношения и, за спокойное обладание Африкой, оставить его правителем Сиракуз. Рассматривая действия и характер Агафокла, всякий легко убедится, что он весьма немногим был обязан счастьем, если оно даже и играло тут какую-нибудь роль. Как сказано выше, своим успехом он обязан тому, что, проходя со всевозможными трудностями все степени военного звания, сумел приобрести себе расположение войск, с помощью которых не только сумел захватить верховную власть, но и выполнить самые сложные и опасные предприятия. Его готовность убивать сограждан и изменять друзьям, отсутствие в нем всякой веры, милосердия и религии, разумеется, нельзя признать в нем проявлениями доблести; при помощи их он мог бы только захватить власть, но никогда не достигнул бы славы. Рассматривая же находчивость Агафокла в борьбе с опасностями и способность их побеждать, величие духа, с каким он умел выносить бедствия и торжествовать над ними, – нет никакой причины не признать его одним из величайших правителей. Но его жестокость и необузданное бесчеловечие, вместе со множеством низостей, к которым он прибегал, – никогда не позволят причислить его к великим людям. Нельзя, следовательно, приписывать его успех ни счастью, ни его личной доблести, так как этим успехом он им не обязан.

В наши дни, во время правления Александра VI, Оливеротто да Фермо¹⁶ представляет другой подобный пример. Оставшись сиротой в детских летах, он был принят на воспита-

ние своим дядей со стороны матери, Джиованни Фолиани, и отдан им в военную службу под начальство Паоло Вителли¹⁷, для того, чтобы, ознакомившись со всеми трудностями военной карьеры, он впоследствии мог достигнуть какого-нибудь видного поста. Когда Паоло умер, Оливеротто продолжал службу под начальством его брата Вителлоццо¹⁸ и в самое короткое время, благодаря своим прекрасным качествам, – телесной ловкости и замечательной храбрости, – сделался одним из первых людей в войске. Тогда ему показалось невыносимым быть в подчинении и он замыслил с помощью некоторых граждан Фермо, которые предпочитали свободе рабство своей страны, и, рассчитывая на расположение к себе войска, захватить верховную власть над Фермо. Для этого он написал к Джиованни Фолиани, что, будучи так давно вне своего отечества, он хотел бы вернуться, как для того, чтобы увидеть свой родной город и Вителлоццо, так и для того, чтобы привести в ясность свое наследство. При этом он писал, что так как, для достижения своего настоящего положения, он перенес много трудностей, то и хотел бы, чтобы сограждане видели, что он не потерял времени напрасно, для чего и считал не лишним, получить позволение вернуться с почетной стражей из ста человек его друзей и подчиненных, – верхами. Он просил дядю распорядиться, чтобы граждане встретили с почетом его возвращение, намекая, что почет будет относиться не к нему только, но еще более к Фолиани, так как последний был его воспитателем. Джиованни счел, что его племянник вполне заслужил почетной встречи, распорядился об ней и пригласил его жить к себе. Оливеротто, поселясь у дяди и посвятив несколько дней на устройство всего того, что считал нужным для успеха своей будущей предательской попытки, задал блистательный пир, – на который пригласил как Фолиани, так и всех значительных граждан Фермо. За обедом, по окончании угощения изысканными яствами, как это водилось с такими почетными гостями, Оливеротто с большим искусством навел речь на высокие предметы; он стал прославлять величие папы Александра и его сына Цезаря, рассуждая очень много обо всех их предприятиях. Джиованни и другие стали несколько возражать против некоторых его положений, тогда он, поспешно заметив, что о таких вещах следует говорить в местах более секретных, пригласил Джиованни и прочих граждан перейти с ним в другую комнату. Когда все они в нее перешли и хотели садиться, то из потайных мест этой комнаты вышли спрятанные до того времени солдаты и убили Джиованни и всех других. Тотчас после убийства, не теряя времени, Оливеротто сел на лошадь и поскакал к зданию, занимаемому высшим магистратом, и осадил его, так что все из страха вынуждены были повиноваться ему и тотчас же образовали правительство, главой которого он и был немедленно утвержден. Умертвив всех, кто мог быть для него опасен своим недовольством или властью, он тотчас же, для упрочения своего господства, принялся за новые гражданские учреждения; так что, в течении одного года продолжения своей власти, он не только сумел сделать для себя безопасным пребывание в Фермо, но сделался грозным для всех своих соседей. Его было бы также трудно победить, как и Агафокла, если бы он не попался в сети Цезаря Борджиа, который, как я уже рассказал выше, истреблял в Синигалии партии Орсини и Вителли. Ровно через год после сделанных им убийств, Оливеротто был задушен вместе с Вителлоццо, учителем своим в кознях и низостях.

Многим может показаться непонятным, каким образом Агафокл и ему подобные, после бесчисленных предательств и жестокостей, могут долгое время не только безопасно жить в своем отечестве, но и защищаться от врагов и достигать того, что их сограждане никогда против них не конспирируют, между тем как другие правители не умеют при помощи жестокости сохранять мир в своем государстве, не только в сомнительную пору войны, но и в мирное время. Я полагаю что это зависит от того, что и самая жестокость может быть хорошо или дурно направлена. Хорошо направленными жестокостями (если говоря об них можно употребить слово: хорошо) я назову такие, к каким прибегают в случае необходимости для укрепления своей власти; однажды укрепив последнюю, правители на них не настаивают, но замечают их мерами возможно полезными для подданных. Дурно же направленная жестокость –

та, которая не будучи особенно ощутительна сначала, с течением времени не только не уменьшается, но даже увеличивается. Правители, прибегающие к жестокостям первого рода, с помощью Бога и людей могут иногда находить в них средство для блага своей страны: так было с Агафоклом. Лица, поступающие иначе, никогда не удерживаются. Отсюда следует, что при неправом захвате власти всякий узурпатор должен решиться произвести все необходимые для него жестокости за один раз, чтобы не быть в необходимости возвращаться к ним беспрестанно и обеспечить за собой власть, не прибегая к ним постоянно, а привязав к себе подданных своими благодеяниями. Поступающий иначе или из боязни, или из неумения и дурно направленной воли, будет вынужден постоянно проливать кровь и никогда не будет господствовать над подданными, так как они при беспрестанных и новых несправедливостях не получают к нему доверия. Все необходимые жестокости должны быть произведены зараз, для того чтобы они были перенесены с меньшим раздражением; благодеяния же должно делать мало-помалу для того, чтобы подданные имели больше времени для их благодарной оценки.

Главнее всего государи должны действовать в отношении своих подданных с постоянством, чтобы подданные не могли думать, что они изменяют свой образ действий, соображаясь с благоприятными или дурными обстоятельствами. Иначе, вынужденный необходимостью на какую-нибудь злую или благую меру, правитель или потеряет удобное время для приведения к осуществлению своей жестокости, или благая мера не принесет ему лично никакого добра, так как ее будут объяснять, только как вынужденную необходимостью, и никто из подданных не сочтет себя обязанным за нее благодарностью.

Глава IX О гражданской власти

Рассмотрим теперь случай, когда частный человек достигает верховной власти не бесчестным захватом или не при помощи жестокого насилия, но становится правителем страны, с согласия своих сограждан. Такую власть я назову властью гражданской; для достижения ее обыкновенно бывает необходимо не столько счастье, или личная доблесть сколько успешно употребленная хитрость.

Замечу, что достигнуть такой власти можно или при помощи народа, или при пособии расположения важнейших граждан; – обыкновенно в каждом государстве существуют два разнобразные направления: народ стремится к тому, чтобы не быть тесным знатными гражданами и уменьшить их власть, аристократия же стремится захватить ее как можно крепче и усилить угнетение народа; результатом двух этих различных стремлений обыкновенно бывает то, что в государстве преобладает или верховная власть, или свобода, или анархия. При этом верховная власть может быть вручена государю или народом, или аристократией, смотря по тому, которая из этих партий воспользуется случаем для ее водворения. Когда аристократы замечают, что они не в состоянии противодействовать народу, то обыкновенно начинают усиливать репутацию которого-нибудь одного из своей среды, для того чтобы, избрав его государем, продолжать, под его прикрытием, удовлетворять своим страстям. Народ же обыкновенно избирает одного и облакает его властью для того, чтобы он составлял его защиту против аристократии, противодействие которой народ сознает себе не под силу. Лица, достигнувшие власти при помощи аристократии, удерживают ее за собой с большим трудом, нежели получившие ее из рук народа; обыкновенно они бывают вынуждены действовать в среде людей, из которых многие считают себя с ними равными, так что они не могут ни властвовать, ни распоряжаться так, как бы им хотелось. Тот же, кто получает власть из рук народа, обыкновенно прямо делается самостоятельным; он ни с кем не разделяет власти и не встречает кругом себя никого или почти никого, кто не был бы привычен к повиновению. Кроме того удовлетворить аристократов так, чтобы не сделать несправедливости и не возвеличить одних насчет других, бывает очень трудно; совершенно не то с народом: цель его гораздо достижимее, так как он мечтает обыкновенно не об угнетении – к чему стремится аристократия, – но только желает не быть угнетенным. Заметим еще, что для правителя несравненно труднее утвердиться, если к нему враждебен народ, чем тогда, когда против него только аристократы: народ многочислен, аристократов же не много; зато самое худшее, чего может государь ждать от народа, состоит в том, что он от него отложится, между тем как враги аристократы не только могут оставить его, но и начать действовать против него, так как, обладая большей против народа степенью знания и ловкости, они всегда сумеют приготовить себе средства к спасению и выиграть расположение той партии, которая по их соображению останется победителем. Кроме того народ, с которым вынужден ладить правитель, всегда один и тот же. Его нельзя ни изменить, ни заменить по произволу, между тем как аристократию он может каждый день уничтожать и учреждать, усиливая ее значение или, если захочет, совершенно его уничтожая. О последнем я считаю нужным подробнее распространиться.

Считаю нужным сказать, что образ действий правителя по отношению к аристократам должен главнейше различаться, смотря потому, связывают ли они совершенно свои интересы с интересами государя, или действуют иначе.

Тех аристократов, которые связывают свои интересы с интересами государя и не грабительствуют, должно любить и осыпать почестями; действующих же иначе, тоже должно различать смотря потому, что служит для них исходной точкой их образа действий. Действуют ли они так по малодушию или по ограниченности, – тогда можно пользоваться их услугами и теми

из советов, которые не лишены здравого смысла; так как, при успехе правителя, они же первые будут его прославлять, а при неудаче – их не стоит опасаться; когда же их образ действий зависит от честолюбия и действуют они так с умыслом, и так как это служит для правителя доказательством, что они свои личные интересы предпочитают его интересам, то их надобно опасаться и действовать против них, как против открытых врагов, ибо они всегда в минуту опасности помогают гибели государя.

Напротив того государь, получивший власть из рук народа, должен стараться удержать за собой его расположение; достигнуть этого государю не особенно трудно, так как народ стремится только к тому, чтобы не быть угнетаемым. Точно также, достигнув власти с помощью аристократии, как бы против желания народа, правитель прежде всего должен стараться расположить народ в свою пользу; это не трудно, – для этого нужно только принять его под свое покровительство. Тогда народ становится еще более преданным и покорным, чем даже тогда, когда сам вручил государю власть, ибо люди обыкновенно гораздо более ценят блага, получаемые ими от тех, от кого они ожидают одно зло, и считают себя в отношении их более обязанными. Подданство свое народ считает в этих случаях даже более добровольным, нежели тогда, когда правитель избран им самим. Способов, какими могут располагать при этом правители, чрезвычайно впрочем много, и так как тут может быть много разных случайностей и трудно дать на все случаи положительные правила, то я и не стану об этом распространяться, а заключу только, что государям важнее всего обладать привязанностью народа, иначе в гибельные для них минуты, у них не найдется никакой прочной опоры.

Набид, один из спартанских государей, выдержал осаду войск всей Греции, которым сверх того еще помогала победоносная римская армия, и защитил от них и власть свою и отечество; для этого в минуту опасности ему было достаточно убедиться в преданности к себе немногих, чего он не мог бы достигнуть, если бы народ был к нему враждебен. Если бы кто-нибудь стал опровергать мое мнение, приводя в доказательства противного избитую пословицу: «рассчитывающий на народ, строит на грязи», – он был бы не прав. Смысл этой пословицы справедлив – если частный человек станет рассчитывать на народную привязанность и станет думать, что народ вступится за него в случае его преследования врагами его или правительством. Такой расчет часто оказывался ошибочным, что и случилось с Гракхами¹⁹ в Риме и с мессером Джорджио Скали²⁰ во Флоренции. Когда же к защите народа прибегает государь, имеющий право им властвовать, если он человек с сильным духом, не падающий в несчастьях, и если кроме того он примет все другие необходимые меры и сумеет своей энергией и бодростью поддержать дух народа, – он увидит, что не ошибся в нем и что, положившись на народ, он строил на прочном основании. Обыкновенно государям этого рода приходится бороться с опасностями тогда, когда они пожелают сделать свою власть абсолютной; при этом могут быть два различия, смотря по тому управляют ли они народом безраздельно, или при посредстве магистратов. В последнем случае они обыкновенно значительно слабее и находятся в большей опасности, так как в этом случае они зависят от воли тех граждан, которым поручена магистратура и которые, особливо в дурных обстоятельствах, могут легко отнять от них власть или восстанавливая против них народ, или просто не слушаясь их. Напрасно подобный правитель задумал бы захватить в свои руки абсолютную власть, – граждане и подданные, привыкнув управляться распоряжениями магистратов, не захотят в критические минуты повиноваться ему одному и он встретит вокруг себя недостаток в таких лицах, которым мог бы довериться. В самом деле, подобный правитель никогда не должен рассчитывать, что в трудные для него минуты он встретит вокруг себя то же самое, что он видит в обыкновенное время, – когда его подданные нуждаются в его управлении. В такое время все окружающие стараются заслужить его благоволение, суеются вокруг него и на словах бывают рады положить за него свою жизнь, так как в смерти их не представляется необходимости; но в трудные для себя минуты, когда необходимо содействие сограждан, он встречает очень мало лиц, готовых ему помочь.

Подобный опыт тем более губелен для государя, что его нельзя испытать два раза. Следовательно, заботой мудрого правителя этого рода должно быть введение и поддержание такого образа правления, при котором его подданные во всякое время и при всяких обстоятельствах нуждались бы в нем; только в таком случае может он рассчитывать во всякое время встретить в них верность к себе.

Глава X

Каким образом в государствах всякого рода можно определять степень своей силы

Рассматривая различные роды государств, я должен заметить, что для правителя всегда бывает чрезвычайно важно знать, может ли его государство в случае необходимости защищаться собственными своими средствами или должно быть вынуждено прибегать для своей защиты к чужой помощи. Чтобы мысль моя была ясна, я должен сказать, что считаю способными защищаться своими средствами только таких государей, которые располагают достаточным числом людей и суммами денег, чтобы во всякое время выставить значительную армию, могущую выдержать битву с врагами. Государствами же слабыми и нуждающимися в чужой защите, я считаю такие, войско которых так незначительно, что не в состоянии выдержать открытого сражения, а может только служить гарнизоном во время осады врагами крепостей, принадлежащих государствам. Я уже говорил о государствах первого рода и впоследствии еще возвращусь к рассмотрению случайностей, которые с ними могут происходить.

Во втором случае, слабым государям я могу только посоветовать как можно усерднее укреплять те города, в которых находятся их резиденции, и не заботиться об остальной стране. Если правитель сумеет хорошо укрепить свою столицу и хорошим управлением, при помощи средств, о которых я уже говорил и буду еще говорить, привяжет к себе подданных, то обыкновенно неохотно решаются на осаду его столицы. Это происходит от того, что люди вообще не особенно охотно решаются на предприятия, успех которых труден, осаждают же хорошо укрепленную столицу такого государя, который любим своими подданными, – дело не легкое.

Германские государства пользуются весьма широкой свободой, хотя территории их весьма необширны; жители не страдают от особенного гнета своих правителей и не боятся ни их, ни правителей соседних городов. Каждый город так хорошо укреплен, что осаждать его весьма затруднительно; все они окружены крепкими стенами и широкими рвами, снабжены в достаточном количестве артиллерийскими орудиями и снарядами, а общественные магазины в них наполнены провиантом и топливом в таком количестве, что его хватит на год для всех жителей. Кроме того у них заготовлены значительные запасы материалов, могущих дать на целый год работу нуждающимся классам населения, без общественного отягощения. Народ в них будет следовательно и во время осад спокоен, предаваясь именно тем занятиям, которые составляют жизнь и нерв местной его деятельности. Кроме того военное звание в этих городах пользуется почетом и в войсках учрежден образцовый порядок. Итак правитель, столица которого хорошо укреплена и который не ненавидим народом, не должен бояться бедствий осады; обыкновенно против таких укрепленных мест осад не предпринимают, в случае же начатой осады, она к стыду осаждающих весьма скоро снимается, так как, при изменчивости дел в этом мире, почти невозможно, чтобы враг оставался с своими войсками лагерем целый год в одной и той же местности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.